

Л.Г. Ефанова

Томский государственный педагогический университет

**Душа как объект оценки и субъект нормы
в русской языковой картине мира**

Аннотация: В статье анализируется содержание концепта «душа» в аспекте тех норм, отношение к которым выражают обозначающие его языковые единицы.

Ключевые слова: концепт, языковая единица, субъект, оценка, норма, языковая картина мира.

Исследованию концепта «душа» посвящено уже несколько лингвистических работ, в которых это понятие рассматривается в сопоставлении с концептами «дух» и «сердце», а также с точки зрения особенностей его образного представления в языке [Михеев, 1999; Степанов, 2001; Шмелев, 2002 и др.]. Целью данной статьи является анализ содержания концепта «душа» в аспекте тех норм, отношение к которым выражают обозначающие его языковые единицы. При этом норма понимается нами как разновидность оценки, т.е. как «частный случай ценностного отношения между мыслью и действительностью», который включает следующие части или компоненты. «Субъект оценки – лицо (или группа лиц), приписывающее ценность некоторому объекту; предмет оценки – объект, которому приписывается ценность; основание оценки – явление или предмет, с точки зрения которого производится оценивание» [Ивин, 1997, с. 163, 167]. Исследование проводится на материале производных слов, фразеологизмов и паремий, в которых компонент *душа* обозначает **предмет оценки**; отраженные в семантике этих единиц «частнооценочные значения релятивизированы к нормам бытия объекта и создают ценностную картину мира данного языкового коллектива» [Телия, 1996, с. 109], выступающего в роли **субъекта** нормативной **оценки**. Основным содержанием статьи стал анализ **оснований оценки**, т.е. тех представлений о нормах проявления и состояния души, которые отражены в русской языковой картине мира.

В энциклопедических описаниях душа характеризуется как внутренний психический мир человека, содержанием которого является «обширный комплекс душевной продукции», включая восприятия (напр.: *воспринять всей душой*), чувства и ощущения (*душа не на месте, с души воротит*), мысли и помыслы (*вынашивать /лежать в душе*), желания и стремления (*душа горит, стремиться всей душой*), пристрастия и привычки (*прикипеть /прирасти душой к чему-л.*), вкусы (ср.: *прийтись по душе* и *душа не лежит к чему-л.*), реакции (*душевный отклик*), волевые усилия (*положить душу на что-л.*) и многое другое [Свешников, 2001, с. 98]. Лингвисты неоднократно отмечали, что «душа в наивно-языковом представлении воспринимается как ...невидимый орган, “заведующий” внутренней жизнью человека» [Шмелев, 2002, с. 21]. Другой особенностью души является разнообразие выполняемых ею функций по установлению и регулированию отношений с социумом и всем материальным и идеальным миром, а также определение характера психической деятельности человека, его внутреннего состояния и настроений.

Как и функционирование любого органа, деятельность души может оцениваться с точки зрения нормы. При этом качественное разнообразие нормативных оценок этой деятельности, нашедших отражение в семантике русских языковых единиц, обусловлено сложностью и дифференцированностью ее функций и состояний в представлении носителей языка. В самых общих чертах эти функции могут быть охарактеризованы:

- 1) как деятельность по установлению и регулированию межличностных отношений;
- 2) как разнообразные реакции на внешние воздействия и внутренние потребности;
- 3) как взаимоотношения с некоторыми явлениями нематериального мира;
- 4) как функция оценки и определения нормы во взаимодействии человека и предметного мира.

1. Роль души в регулировании межличностных отношений

По мнению носителей русского языка, одна из основных функций души состоит в установлении и регулировании отношений между ее обладателем и другими членами коллектива. Именно участие души обеспечивает согласие в мыслях и чувствах разных людей, обозначенное словом *единодушие*: *Душа душу и знает; Душа с душой беседует*. Особенно близкие душевные контакты устанавливаются между членами одной семьи (*Муж да жена одна душа; Жить душа в душу*), поэтому под оборотом *родная душа* обычно понимают близкого родственника. Однако *родство душ* может возникнуть и между людьми, не связанными семейными отношениями, но обладающими единством во мнениях и оценках каких-либо важных для них явлений.

Кроме того, душа участвует в менее тесных и продолжительных, чем родственные или семейные, контактах с другими членами социума. Именно в таких отношениях проявляются обычно те свойства личности, которые обозначены в языке как *душевные качества*. **Душевные качества** – это положительные личностные свойства и позитивно оцениваемые в коллективе черты характера, наличие или недостаток которых определяет отношение их носителей к другим людям и к окружающему миру вообще. Как и другие свойства человека, душевные качества подвергаются в социуме оценке с точки зрения нормы, причем эта оценка может выражаться в языке разными способами.

Анализ семантики производных слов, фразеологизмов и паремий с компонентом *душа* позволяет предположить, что к числу душевных качеств носители русского языка относят доброту (ср.: *добродушие, благодушный* и *злая, черная душа*), отзывчивость и чуткость (ср.: *душевный человек, добрая душа* и *собачья душа, очерстветь душой*), щедрость (ср.: *широта души* и *мелкая душонка*), правдивость и искренность (ср.: *прямодушие, душа нараспашку* и *кривить душой, двоедушие*), благородство и снисходительность к другим (*великодушие*), а также стойкость и мужество, отсутствие которых обозначается словами *малодушие, слабодушие* и оборотами *заячья душа, соломенная душа* и т.д. Главными из этих свойств русский человек считает доброту и отзывчивость, поскольку именно их недостаток обозначается в русском языке как отсутствие души – *бездушие*, в то время как обладание этими свойствами в большей, чем обычно, степени позволяет назвать человека *душевным*. Высшее проявление душевных качеств – *величие души* – предполагает реализацию этих свойств в максимально высокой степени, вплоть до самопожертвования. Лексикографы прошлых веков отмечали у слова *великодушный* значение «Устар. Жертвующий своими личными интересами ради других; самоотверженный» [ССРЛЯ, 1991], а у слова *благодушие* – значение «добрость, мужество на пользу ближнего; самоотвержение» (В.И. Даль).

Недостаток у человека того или иного душевого качества чаще всего обозначается путем указания на малые размеры души или ее неправильную форму (*низкая, мелкая душонка, малодушие, измельчать душой, криводушие*, а также: *У немца (француза) ножки тоненьки, душа коротенька*). Напротив, проявление в человеке некоторых душевных качеств в большей, чем у других людей, степени выражается при помощи слов и корней со значением «больше нормы» (*широта души, величие души, человек большой души, великодушие*), а также указывающих на правильную форму души (*пряמודушие*) или выражающих ее положительную оценку (*добродушие, благодушие*).

Сделанные наблюдения позволяют предположить, что в русском социуме имеются представления о своеобразной норме проявления душевных качеств, недостижение которой всегда получает в нем отрицательную оценку, в то время как ее превышение оценивается в большинстве случаев положительно. Эти представления в известной степени условны, относительно, и это является одной из причин того, что нормальная (средняя) степень проявления того или иного душевного качества не обозначена специальными языковыми единицами, но определяется при сопоставлении отраженных в языке ситуаций недостижения и превышения нормы. Так, например, *бездущный* человек бесчувствен и неотзывчив, однако *душевным* назовут только того, кому чуткость и отзывчивость свойственны в большей, чем другим людям, степени. Человек *широкой души* – «это великодушный человек», чьи «щедрость и хлебосольство иногда могут переходить в нерасчетливость и расточительность» [Шмелев, 2002, с. 87], превышая норму; вместе с тем «мелочность безусловно осуждается, и сочетание *мелочный человек* звучит как приговор» [Там же], как и оценка *мелкая душонка*. Свойства, приписываемые человеку *низкой души*, воспринимаются в социуме как аномалия, вместе с тем и на проявление *великодушия* по отношению к другим людям способен не каждый, поскольку обозначенная этим словом степень благородства и снисходительности к чужим недостаткам превышает обычную норму.

«Верхняя» и «нижняя» границы нормальной реализации душевных свойств качественно различны. В то время как превышение нормы означает проявление того или иного душевного свойства в большей степени по сравнению с необходимым и достаточным для установления и сохранения отношений с другими членами коллектива, недостижение нормы может свидетельствовать об отсутствии этого свойства у его субъекта. В связи с этим ситуации превышения нормы проявления душевных качеств обозначаются чаще всего при помощи неопредельных параметрических прилагательных (в смысле [Апресян, 1995, с. 66–67]), называющих признак, способный проявляться с любой интенсивностью, причем носитель признака – душа – при максимальной его реализации качественно не изменяется, сохраняя свои определяющие свойства (высоту, широту, величие и т.п.).

Напротив, недостижение нормы проявления душевных качеств обозначается, как правило, предельными прилагательными. Эти слова обозначают «такое градуируемое свойство, для которого возможна максимальная степень» проявления [Там же, с. 66], когда предмет приобретает иные, чем обозначенные данными прилагательными, свойства, т.е. качественно изменяется. Подобно тому, как низкий предмет при определенной степени проявления этого признака перестает называться *низким*, но получает иное наименование (ср: *низкий цилиндр* и *плоский* или *широкий диск*), так и слово *душа*, определяемое предельными прилагательными *низкий, мелкий* и т.д., отражает тенденцию обозначенного им объекта к качественному перерождению или полному исчезновению (*бездущию*). Применительно к анализируемой нами ситуации это означает, что душа как особый орган не выполняет своих коммуникативных функций.

Особое место в ряду душевных качеств занимают правдивость и искренность. Эти свойства, как правило, положительно оцениваются в любом коллективе как одно из условий получения объективной информации, в то время как про-

тивопоставленные им *криводушие* и *двоедушие* порицаются не только как причина искажения истины, но и потому, что являются нарушением моральных норм. По мнению носителей русского языка, лживость как свойство характера изобличает в человеке душевный изъян, сопоставимый с физическим недостатком (ср.: *криводушный* и *кривобокый*, а также *Молодец красив, да на душу крив* и *Хоть глазами кос, да душою прям*). Напротив, правдивость и искренность отражают такое важное свойство души, как цельность. *Двоедушие* неискреннего человека не обогащает его обладанием двумя или несколькими душами, но означает разделение первоначально единой души на несколько ущербных частей: *Семь в тебе душ, а ни в одной пути нет*. Кроме того, неискренность двоедушного человека нивелирует в глазах остальных людей проявленные им другие душевные качества, превращая доброту в *прекраснодушную* сентиментальность, а великодушные – в позорное *великодушничанье*.

Вместе с тем следует заметить, что нормальная степень правдивости и искренности допускает возможность при определенных обстоятельствах незначительно исказить истину или скрыть ее (*покривить душой* или *затаить в душе* что-л.), поэтому *прямодушные* всегда правдивого и искреннего человека превышает эту норму. Однако в то время как *прямодушные* того, кто сознательно избегает лжи, воспринимается в социуме с уважением, неумение сохранить тайну, свойственное *простодушному* (*душа нараспашку*) человеку, заслуживает порицания: *Простота хуже воровства*, причем отрицательную оценку получает в данном случае не душа, а интеллект человека.

В идеале способности человека к реализации своих душевных качеств не имеют предела, о чем свидетельствует и обозначение их неопредельными прилагательными. В действительности же представление о нормальной степени проявления этих качеств связано с пониманием того, что их реализация может быть связана с физическими или материальными затратами, а также с расходом психической энергии (так называемых *душевных сил*). Такое понимание связано с особенностями русской этической традиции, которая могла потребовать от человека действовать в ущерб своим интересам ради столь же актуальных или более насущных потребностей других людей: *заложить за кого-л. душу* (ручаться в важном деле), *взять на душу* ответственность за другого человека (принеся клятву, присягу) и даже *положить душу за кого-л.*, жертвуя жизнью. Эта традиция во многом способствовала формированию представлений о «верхней» и «нижней» границах нормы проявления душевных качеств. В свою очередь, такие представления стали одним из инструментов регулирования отношений внутри коллектива, поскольку, с одной стороны, они ставят каждого из его членов перед необходимостью соблюсти названные нормы, вынуждая его в своем поведении реализовать заложенные в них моральные принципы. С другой стороны, представления о «верхней» границе нормы проявления душевных качеств снижают уровень притязаний членов коллектива друг к другу, мешая использовать чьи-либо душевные свойства в своекорыстных интересах и во вред дающему. Так, например, в русском социуме порицается поведение того, кто *так в душу и вьется*, лестью и хитростью добиваясь расположения и участия; недопустимо также злоупотреблять чьей-либо откровенностью с целью выведать чужие тайны (*без сальца (мыла) в душу влезать*) или использовать такую откровенность для того, чтобы оскорбить чувства другого человека (*плюнуть в душу*).

2. Оценка душевного состояния с точки зрения нормы

Способность души участвовать в сложных межличностных отношениях, реализуя то или иное из своих качеств, обусловлена необычайной восприимчивостью этого «невидимого органа чувств и предчувствий» [НОСС, 1997, с. 89]. На разнообразные внешние воздействия или внутренние конфликты душа реагирует опре-

деленными **душевными состояниями**, гамма которых очень богата. Это является одной из причин того, что значительная часть русских фразеологизмов и устойчивых выражений с компонентом *душа* характеризует разнообразные эмоционально-психологические состояния человека: *легко / тяжело на душе, душа ушла в пятки, бальзам на душу* и т.д.

Наиболее нейтральными из душевных состояний – своего рода психологической нормой – являются состояния, обозначенные сочетаниями *душевное равновесие* и *душевный покой*, а также оборотами *душа на месте* (о том, кто совершенно спокоен, ничем не встревожен), *душа стала на место* (о человеке, который успокоился, пришел в себя) и *легко на душе* (т.е. спокойно и весело).

Оборот *душа на месте* (т.е. там, где ей в норме и надлежит быть) обозначает ситуацию, когда человек находится в состоянии *душевного равновесия*, он спокоен и сохраняет контроль над собой, в то время как потеря душевного равновесия означает утрату такого контроля под воздействием сильных, но, как правило, непродолжительных эмоций. Такими эмоциями могут быть внезапный испуг, страх, когда *душа ушла в пятки*, радость, от которой *душа взыграла*, острая жалость и сострадание, *пронзающие душу* или вызывающие ощущение того, что *душа перевернулась*, а также сильное возбуждение, волнение или острое желание, при которых *душа загорелась, душа горит*. Такие эмоции представляют собой первичную реакцию на внезапное и сильное воздействие и обозначаются в языке чаще всего при помощи однократных глаголов совершенного вида либо глаголов, обозначающих интенсивное начало действия или активное деструктивное воздействие (*перевернулась, взыграла, загорелась, пронзать, горит*). Все названные ими состояния находятся за пределами эмоциональной нормы, но оказываются непродолжительными, поскольку человек, лишенный душевного равновесия, вскоре восстанавливает способность к самоконтролю даже в тех случаях, когда первичная причина его негативного состояния (например, источник страха) не устранена.

Душевный покой является, по-видимому, более стабильным состоянием, чем душевное равновесие, и его утрата бывает вызвана более продолжительными влияниями внешних или внутренних факторов. Отсутствие душевного покоя обычно связывается с состояниями тоски и тревоги, от которых *душа не на месте, она болит, надрывается, ноет, рвется на части* (ср. также: *на душе кошки скребут и ад (кромешный) в /на душе*). Длительность и неразрешимость таких состояний подчеркивается использованием для их обозначения назывных предложений и глаголов несовершенного вида, которые в составе перечисленных фразеологизмов не могут иметь видовой пары (*ноет, болит, надрывается*). Для того чтобы *душа стала на место*, необходимо разрешение травмирующей ее ситуации, т.е. устранение причин тревоги и тоски. В тех же случаях, когда причина душевных страданий неустранима, преодолеть их помогает время, по истечении которого человек может *переболеть душой* и успокоиться – *отдохнуть душой*.

Носители русского языка одной из функций души считают реагирование на внешние воздействия или внутренние потребности, побуждающие человека к действию. Так, например, душа, *пронзенная* состраданием или *перевернувшаяся* от жалости, заставляет человека оказать помощь другому; *душа, ушедшая в пятки*, для того, чтобы вернуться в нормальное состояние, должна потребовать от человека заботы о собственной безопасности; душе, *загоревшейся желанием*, необходимо удовлетворить его прежде других.

Вместе с тем в русском социуме порицаются внешние воздействия на душу с целью ухудшить эмоциональное состояние человека. Например, отрицательную оценку получает действие, имеющее целью оскорбить лучшие чувства человека – *плюнуть в душу*. Так же негативно оцениваются длительные эмоциональные воздействия на психику человека обстоятельств, которые он не может изменить и которые поэтому вызывают у него душевные страдания тем более мучительные,

чем более длительно такое воздействие. В оборотах *мотать, травить, тянуть, вытягивать, бередить, надрывать душу*, а также *торчать /висеть над душой* с общим значением «надоедать, мучить назойливыми приставаниями или чем-либо неприятным» негативное воздействие обозначается глаголами несовершенного вида, обозначающими непрерывное длительное действие. Употребление в составе этих оборотов глаголов совершенного вида (*вымотать /вытянуть (всю) душу, вытрясти душу из кого-л.*) метафорически указывает на лишение человека души, а значит и жизни. Подвергаясь негативному психологическому воздействию, человек вправе попытаться прервать его, обратившись к его источнику с просьбой *не стоять над душой* (ср. также: *Не стой надо мной, как черт над душой*) или *отпустить душу на покаяние* (шутл. «оставить в покое»).

Нормальное душевное состояние человека обозначается не только фразеологизмом *душа на месте*, но также и оборотом *легко на душе* со значением «спокоен и весел» (В.И. Даль). Такому состоянию противопоставлено тягостное, гнетущее чувство, обозначенное фразеологизмами *тяжело на душе, свинец (камень) на душе*. Это ощущение может быть вызвано заботами, волнениями, переживаниями, а также нечистой совестью. При этом освобождение от забот и волнений сравнивается с избавлением от тяжелого груза: *как камень с души свалился*.

В тех случаях, когда причиной тяжести на душе являются какие-либо переживания, *облегчить душу* помогает общение. Его цель состоит не в том, чтобы отвлечься от своих проблем или получить эмоциональную разрядку (*отвести душу*), а в том, чтобы *излить душу*: рассчитывая на сочувствие, откровенно рассказать о том, что волнует, беспокоит, наболело. При этом искренний и откровенный *разговор по душам* поможет получить облегчение только в том случае, если рассказчик будет чистосердечен, реализуя присущую душе исповедальность и связанное с ней свойство правдивости. Русский язык особенно богат образными обозначениями предельно искреннего, откровенного рассказа о себе: *открыть /выкладывать кому-л. душу, раскрыть перед кем-л. душу, изливать душу, выворачивать перед кем-л. душу наизнанку* и т.д. Такой рассказ, как правило, не требует от человека каких-либо усилий, это *крик души*, нуждающейся в исповеди. Со своей стороны, слушатель в этой ситуации должен проявить отзывчивость и чуткость, способность *заглянуть в душу* собеседнику, чтобы разобраться в его мыслях и чувствах. В ситуации *задушевного разговора* взаимодействие душевных качеств и душевных состояний проявляется наиболее полно: достижение положительно оцениваемого (нормального) душевного состояния становится возможным только в том случае, если участники ситуации в достаточной степени реализуют определенные душевные качества (правдивости с одной стороны и отзывчивости – с другой). Вместе с тем в задушевном разговоре в максимальной степени реализуется важная для души функция регулирования межличностных отношений.

Несмотря на то что выполняемые душой функции общения и эмоционального реагирования представлены в языке разностороннее и полнее, чем другие виды ее деятельности, значимость этих функций не следует преувеличивать. Облегчая адаптацию человека к общественным и физическим условиям его бытия, социальные контакты и эмоциональные реакции не должны ограничивать деятельность души в других областях, поскольку это может сделать душу уязвимой. Одна из форм такой уязвимости состоит в склонности «сосредотачиваться на ощущении своей боли или бесконечно припоминать свои чувства при каком-то дорогом событии и во внутреннем смысле только эти переживания и осознавать как самые ценные», «что на святоотеческом языке называется **душевность**» [Свешников, 2001, с. 97–98].

3. Духовная деятельность души

Деятельность души в значительной степени определяется ее собственными духовными интересами или **духовностью**. При этом, в отличие от потребности в общении и чувственном реагировании на внешние воздействия, духовность не обусловлена внешними обстоятельствами бытия человека, но имманентна его душе. От внешних контактов и эмоциональных реакций духовная деятельность отличается также и тем, что недоступна наблюдению извне. Возможно, этим объясняется тот факт, что ее наименования в языке немногочисленны, в то время как сам скрытый характер такой деятельности отмечен множеством пословиц: *Чужая душа – потемки; Чужая душа – темный лес; С рожки – снаружи, а с души – снутри; Человека видим, а души его не видим; Как в кремне огонь невидим, так в человеке душа; В чужую душу не влезешь.*

Хотя нашим современникам свойственно связывать представления о душе в основном с иррациональными психическими реакциями человека, в русском языке имеются свидетельства взаимодействия души также и с интеллектуальной, рассудочной сферой сознания. Так, например, термин *душевное заболевание (душевная болезнь)* используется для обозначения тяжелых психических расстройств, связанных с утратой рассудка, но представляет их как результат нарушения некоторых функций души.

При оценке роли души в интеллектуальной деятельности человека следует принимать во внимание то, что процессы и результаты этой деятельности весьма разнообразны и включают, например, усвоение знаний, формирование мнений, выработку суждений, возникновение идей и т.д. Участие души в этих процессах проявляется в разной степени и в неодинаковых формах.

По нашим наблюдениям, среди разнообразных результатов интеллектуальной деятельности душа наиболее восприимчива к идеям (иное мнение см.: [НОСС, 1997, с. 178]), т.е. к таким мыслям, которые занимают «определяющее положение в системе взглядов, воззрений» и предполагают «сознание цели и перспективы дальнейшего познания и практического преобразования» мира [МАС]. Поскольку «содержание идеи – это обычно способ решения какой-либо проблемы» [НОСС, 1997, с. 176], идеи относятся к миру ценностей. «При ценностном подходе исходной является оценка существующего положения вещей, и речь идет о том, чтобы преобразовать его в соответствии с этой оценкой» [Ивин, 1997, с. 161]. Положительно оцениваемая идея, способная стать высшей жизненной целью человека, обозначается словом «идеал».

Хотя неоднократно отмечалось, что идеи вынашиваются в подсознании их создателей, основная функция души в этом процессе состоит не в создании, а в восприятии идеи. Идея, воспринятая *всей душой*, становится убеждением и способна определять жизненные цели человека. При этом взаимодействие души и идеи (идеала) может принимать разные формы. Идея способна *воодушевить* человека, вызывая в нем сильные положительные эмоции – *душевный подъем* и побуждая к действию. Другой формой взаимодействия человека и идеи является преданность идее или ее носителю *душой и телом*, что означает не только полное согласие с идеей, но и готовность работать или приносить жертвы ради нее. Деятельность по реализации идеи или идеала может быть направлена во внешний мир с целью его преобразования, но может иметь целью совершенствование внутреннего мира самого носителя идеи и в первую очередь его души, – таковы, например, религиозные идеалы. В отличие от идей, душевный контакт с которыми может быть непродолжительным, идеалы *поселяются в душе* человека навсегда или надолго, и их утрата тяжело им переживается; это делает идеалы необходимой составной частью любой идеологии.

Из всех идейных учений, знакомых русскому народу, наиболее полно была им воспринята идеология христианства, в которой душа характеризуется как

главная составляющая человека: *Душа – заветное дело; Душа всего дороже*. Представления, связанные с христианским учением о душе, глубоко укоренены в сознании русского человека и находят отражение в некоторых производных словах и устойчивых языковых выражениях. Согласно этим представлениям, душа имеется у каждого человека, в том числе и у некрещеного (*И у цыгана душа не погана*), поэтому каждого человека можно назвать *живой душой*. Однако человек, принявший крещение, обладает знанием того, что бессмертная душа дарована ему Богом (*Жив Бог, жива душа моя*). Сознание души как божьего дара дает христианину право именоваться *божьей душой*.

Важной составляющей идеологии христианства являются представления об идеальной природе души и о способности этого органа взаимодействовать с Богом и явлениями нематериального мира. Эти свойства души представляются настолько важными, что для ее обозначения в этом качестве нередко используется особый ЛСВ слова *дух*, напр.: *воспрянуть духом; пасть духом; воспарять духом; блаженны нищие духом; дух бодр, да плоть немощна* (ср. также: *дух вон и душа вон*). Дух представляется той стороной души человека, которой она обращена к миру абстрактных сущностей, включающему идеи и идеалы. В силу этого душа обладает собственными *духовными потребностями*. Особенностью христианства как религиозного учения является то, что в нем существование таких потребностей признается нормой, а их удовлетворение и развитие (в богословской терминологии – «духовное делание») вменяется в обязанность каждому человеку. Основными средствами «духовного делания» в христианстве являются пост и молитва, и именно такое их понимание отражено в русских пословицах. Пост предполагает телесное воздержание, и тот, кто *смирнен духом, да горд брюхом*, нарушает это установление. С другой стороны, «пост христианский нравственно содержателен лишь в связи со смиренно-покаянным переживанием» [Свешников, 2001, с. 445], и об этом напоминают пословицы: *Чистота духовная паче телесной; Постись духом, а не брюхом*. Молитва же дает человеку возможность вступить в непосредственное общение с Богом, когда *не встанет свеча перед Богом, а встанет душа*. Результатом такого общения становится духовное очищение и просветление: *Свет в храмине от свечи, а в душе от молитвы*.

Духовное состояние человека как результат деятельности души может быть подвергнуто нормативной оценке. Согласно представлениям, существующим в религиозном обществе, адекватную оценку этому глубоко интимному состоянию может дать только Бог, поскольку только ему и открыта вполне душа. При таком подходе объектом нормативной оценки является духовное состояние человека, а в качестве ее субъекта выступает Бог. Члены человеческого коллектива могут оценить духовные качества человека только косвенно, например, отметив несоответствие образа жизни и поведения субъекта религиозным или этическим нормам. В языке эта оценка выражается преимущественно при помощи так называемых имен некомплектных объектов, обозначающих отклонение от нормы путем указания на отсутствие у оцениваемого объекта свойственного ему в норме необходимого атрибута: *безбожие, беззаконие, безнравственность, бездуховность*.

Нормативная оценка духовного состояния личности и ее поведения может быть различной в зависимости от того, каким идеалам следует общество как субъект оценки. В христианском коллективе основанием такой оценки являются религиозные нормы, поэтому духовная ущербность воспринимается в нем как результат безбожия. При этом *безбожник* – это не просто неверующий человек, но «нечестивец, не знающий страха Божия, живущий заведомо во зле, во грехах», «бессовестный, нечестивый, злодейный» (В.И. Даль). Причину такого состояния верующий человек видит в *беззаконии*, т.е. в «неисполнении закона Божьего», положенного в основание нормативной оценки. За нарушение этого закона человек должен будет отвечать перед Богом, люди же вправе лишь выразить неодобрительное отношение к его поведению.

В отличие от безбожия, являющегося духовной характеристикой личности, *безнравственность* характеризует «противный нравственности и душевной чистоте, развратный, распутный» образ жизни человека (В.И. Даль). Объектом оценки является в этом случае не внутренний мир, а поведение личности, нарушающей общепринятые этические нормы, с позиций которых и производится оценка. Поскольку такое поведение может быть социально опасным, социум вправе использовать против нарушителя этических норм не только общественное порицание, но и другие виды наказания.

В христианском обществе понятия «духовность» и «нравственность» четко различаются. Словом *духовность* обозначается «интеллектуальная природа, сущность человека» (МАС), его ум и воля (В.И. Даль); духовность присуща каждому человеку в силу наличия у него бессмертной души. Что касается нравственности, то это свойство требует для своего развития особых условий – воспитания человека в духе определенных моральных норм. С точки зрения христианина, наиболее очевидной причиной безнравственности является безбожие (неверие в Бога) или беззаконие (непризнание норм христианской морали).

Напротив, в социуме, лишенном христианских идеалов, различия в представлениях о духовности и нравственности неизбежно стираются. В языке это находит выражение в синонимичном употреблении слов *духовный*, *нравственный* и *моральный* при обозначении интеллектуально-волевых качеств человека. Так, согласно толкованию МАС, слово *духовный* означает «связанный с внутренним, нравственным миром человека», а слово *нравственность* имеет значение «моральные качества». Существительное *духовность* в своем прежнем значении вышло из употребления, однако в 70-е – 80-е гг. двадцатого века в русской публицистике стало активно использоваться слово *бездуховность*, выражающее отрицательную оценку духовного состояния личности, замкнутой на собственных эгоистических и меркантильных интересах. Внутренняя форма этого слова представляет обозначенное им качество как неспособность человека к восприятию ценностей высшего порядка в силу неразвитости его души.

4. Душа как субъект оценки и субъект нормы

Как носитель духовного начала душа представляет собой относительно автономную часть человека, по своим потребностям противопоставленную телу: *Телу простор – душе теснота* (и наоборот); *Что телу любо, то душе грубо*; *Душа прохладе любит, а плоть пар*; *Душа на прохладе, а плоть в баню* (просятся); *Душа телу (плоти) спорница*; *Плоть душе враг*; *Грешное тело и душу съело*; *Душа и редечкой питается, а тело вологу* (т.е. скромное) *любит*; *Рада б душа посту, да тело бунтует*; *Душе с телом мука*. Вместе с тем противопоставление души телу в русских пословицах сочетается с указаниями на их взаимодействие при удовлетворении человеческих нужд (*Приняла б душа, а брюхо не прогневается*) и на телесные потребности души как носителя жизненного начала в человеке: *Душа не сосед: есть и пить просит*; *Голод не тётка, душа не сосед* (не уйдешь); *Жива душа калачика чаёт*; *Напитай, Господи, душу малым кусом!*

Как участник этого взаимодействия душа является объектом нормативной оценки со стороны членов языкового коллектива (субъекта оценки), которые сопоставляют все ее проявления с имеющимися в социуме представлениями о норме. При этом особенностью представления души в русской языковой картине мира является то, что, согласно ему, сама душа может быть не только объектом, но и субъектом нормативной оценки и, более того, обладает свойствами субъекта нормы.

Вводимое здесь понятие **субъекта нормы** отличается от уже использованного выше термина «субъект нормативной оценки» по своему содержанию. В то время как субъект нормативной оценки обладает знаниями об определенной нор-

ме и способен сопоставить с нею оцениваемый объект, субъект нормы, помимо этого, сам устанавливает или определяет границы нормы. Так, например, субъектом моральных норм в представлении христианских народов является совесть (И. Кант). Душа же в русской языковой картине мира представляется как субъект индивидуальной нормы потребления (*Душа меру знает; Душа всему мера; Сердце – вещь, а душа – мера*) и личных вкусовых предпочтений (*Рад бы сердцем, да душа не принимает; с души прет, скидывает*).

Потребности в пище, питье, сне и т.п. примерно одинаковы у разных людей и укладываются в общепринятые представления о норме, превышение которой обозначается словами *обжорство, чревоугодие, пьянство* и т.д. Однако наряду с этими общими представлениями у каждого человека имеется своя физиологическая норма, обусловленная его индивидуальными потребностями и некоторыми внешними условиями жизни. Именно эту норму определяет душа, препятствуя ее превышению, например, в ситуациях, когда *Душа не принимает, а глаза все больше просят*.

Установленная душой норма в основном совпадает с общепринятыми представлениями об обычных потребностях человека; поэтому пожелания есть, пить, спать и т.п. *сколько душе угодно* (ср. также: *Свищи, душа, через нос!* т.е. «спи вволю»), как и предложение *чего душе угодно*, не поощряют чьи-либо излишества и прихоти, но говорят лишь о полном удовлетворении той или иной потребности. Доверие социума к установленной душой норме потребления прежде основывалось на представлениях о непосредственном общении души с Богом, что отразилось, например, в шутовском определении икоты *Душа с Богом беседует* и в обороте *как Бог на душу положит*, а также в сравнении *Как Христос босиком по душе прошел*, употребляемом при описании чувства удовлетворения от хорошей пищи, питья и т.п. Примером соответствия общепринятых представлений об индивидуальной норме тем, которые определяются душой, может служить поговорка *Сторонись, душа, оболью!* (говорит пьяница, поднося чару ко рту), где отрицательная социальная оценка пьянства и неприятие его со стороны души, потребности которой не учитывает пьяница, совпадают. Образ захлебнувшейся души в поговорке *Душа пузыри пускает* (об отрыжке) также указывает на превышение нормы, контролируемой душой.

Душа как субъект нормы определяет не только меру потребления, но также индивидуальные вкусы и предпочтения человека. При этом выражения *приятись по душе /не по душе*, а также *душа лежит /не лежит* к чему-л. означают не просто «нравится» или «не нравится», но также и то, что предмет, который «человек видит и оценивает, он как бы сравнивает с неким эталоном» [Михеев, 1999, с. 148], т.е. с нормой. Эта норма индивидуальна, и поэтому каждый человек «саму рассматриваемую вещь (дело, создавшуюся ситуацию) примеривает на свою душу, чтобы в результате получить возможность сказать: *Вот это мне по душе*» [Там же].

Одной из причин уважительного отношения социума к душевным склонностям личности является то, что такие склонности отличаются от обычных желаний или предпочтений относительным постоянством; они, как любая другая норма, стабильны и объективны, т.е. не зависят от воли человека. Объективность этих норм проявляется в том, что человек, как правило, испытывает *душевное расположение* к тому, что оценивается обществом положительно или нейтрально, и напротив, то, чего *не принимает душа* отдельного человека, от чего его *с души воротит*, редко вызывает положительное отношение со стороны других членов социума. При этом основным отличием душевного расположения личности от положительной социальной оценки является то, что объект этого отношения представляется его субъекту более предпочтительным, чем другие объекты того же рода, специально для него предназначенным, *лежащим на душу*. В то же время неприязнь, испытываемая к объекту, который чья-либо *душа не принимает*,

может принимать характер непреодолимого отвращения, когда *с души воротит / тянет, на душе мутит*, хотя другими людьми этот объект может восприниматься более нейтрально.

Таким образом, душа, представляемая носителями русского языка как невидимый орган в теле человека, выполняет целый ряд сложных функций.

1. Наиболее заметными и часто отмечаемыми функциями души являются разнообразные реакции на воспринимаемые человеком внешние воздействия, а также на собственные мысли и поступки, на которые его *душа отзывается* тем или иным состоянием (волнением, переживанием, грустью, радостью и т.д.).

2. Необычайная чувствительность души к внешним воздействиям обусловлена тем, что именно эта часть человека ответственна за определение его отношений с внешним миром вообще и с другими членами коллектива в частности. В этих отношениях реализуются определенные свойства души – *душевные качества*, определяющие тот или иной тип взаимодействия человека с окружающими людьми (доброта или черствость, правдивость или лживость, благородство или мелочность и т.п.) Благодаря этому душа в восприятии носителей языка является тем органом, который регулирует отношения в коллективе. В норме душе должны быть свойственны только положительные качества (щедрость, отзывчивость, искренность, мужество и т.п.), поэтому действовать *по велению души* значит проявлять свои лучшие свойства. Неспособность человека проявлять эти качества воспринимается в русском социуме как ущербность, слабость, неразвитость или нецелостность души.

3. Душа является носителем жизненного начала в человеке, что подтверждается многочисленными фразеологизмами, представляющими смерть как процесс расставания тела с душой. Как носитель жизненного начала душа не только тесно связана с телом, но и активно участвует в удовлетворении его нужд, регулируя потребности и определяя вкусовые предпочтения человека. В этой функции душа представлена как относительно автономный субъект оценки, устанавливающий индивидуальные для каждого человека нормы предпочтения и потребления, т.е. как субъект нормы.

4. Одной из важнейших функций души является взаимодействие с миром идей и иных нематериальных сущностей, и в том числе с Богом. Эта функция является онтологической характеристикой души, поскольку определяется только ее собственными, независимыми от внешних условий потребностями. Воспринимая идеи и способствуя воплощению в жизнь идеалов, душа не только реализует духовные потребности человека, но также определяет его внутреннюю сущность, отличающую человека от животного.

Каждая из названных функций души находит в языке особые способы выражения. Так, например, душевные качества обозначаются в основном при помощи параметрических прилагательных и их производных (*низкая душа, широта души, великодушие* и т.д.) При описании эмоциональных реакций души используются преимущественно глаголы с учетом особенностей их видовой семантики (ср.: *душа възыграла* и *душа надрывается*). В обозначении духовной деятельности души активно участвуют имена некомплектных объектов и слова, производные от одного из ЛСВ слова *дух* (*бездуховность, безбожник, беззаконие, духовный*). Наконец, основным приемом, используемым для обозначения души в функции субъекта оценки и субъекта нормы, является олицетворение.

Литература

- Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. М., 1995. Т. 1.
Ивин А.А. Основы теории аргументации. М., 1997.
Михеев М.Ю. Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.

- НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997.
- Свешников В. Очерки христианской этики. М., 2001.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. М., 1991. Т. 2.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
- Телия В.Н. Русская фразеология. М., 1996.
- Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. М., 2002.